

© 2019 г.

Е.А. ДОЛГОВА, Е.А. СТРЕЛЬЦОВА

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЛУБ»: ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ 1920-х ГОДОВ

ДОЛГОВА Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (dolgova-evg@rambler.ru); СТРЕЛЬЦОВА Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (kstreltsova@hse.ru). Обе – Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена изучению положения женщин в науке раннесоветского периода, когда – после принятия ряда мер, нацеленных на обеспечение гендерного равенства в этой сфере, – они впервые получили законодательно закрепленную возможность профессионально заниматься научной деятельностью и преподавать в высших учебных заведениях. Эмпирически статья основана на архивных данных – перечне женщин-научных работников, проживавших в Москве и Ленинграде в конце 1920-х гг., и документальной информации об их социально-демографических характеристиках и статусе в науке и высшем образовании. На основе статистического анализа этих сведений авторы не только впервые описывают состав женского научного (под)сообщества в критически важный для его становления период, но и пытаются выяснить, обеспечили ли принятые меры реальное вхождение женщин в науку или лишь привели к трансформации «каменных стен» в «стеклянный потолок».

Ключевые слова: советская наука • научное сообщество • женщины в науке • гендерное равенство

DOI: 10.31857/S013216250004014-8

Постановка проблемы. Вопрос о положении и роли женщин в науке раннесоветского периода не является новым в истории и социологии – в том или ином ракурсе его ставили разные исследователи, обращающиеся в своих работах к изучению отечественной науки в ретроспективе [Агамова, Аллахвердян, 2000; Валькова, 2012; Valkova, 2008]. Вместе с тем отдельные вопросы прежде не становились предметом специального анализа. Среди них – исследование состава женщин, которые вошли в науку в переломный для их положения момент, когда были предприняты первые попытки по установлению гендерного равенства в науке и женщины получили допуск в клуб, ранее для них закрытый. В статье впервые представлены результаты статистического анализа дисциплинарных, возрастных, квалификационных, территориальных характеристик женщин-научных работников в советском научном сообществе 1920-х гг. Исследование позволяет не просто оценить социально-демографическую структуру этой категории ученых, но и установить, обеспечили ли предпринятые меры реальное вхождение женщин в науку или привели лишь к трансформации «каменных стен» в «стеклянный потолок» [Barnett, Sabattini, 2009].

Положение женщин в науке раннесоветского периода. В имперской России возможности женщин заниматься оплачиваемым научным трудом, причем делать это на равных с мужчинами условиях, были существенно ограничены. Женщины не могли получать ученые степени и научные звания, претендовать на научно-исследовательские и преподавательские должности [Валькова, 2012]. В первую очередь это было связано с юридическими ограничениями на получение высшего образования. По замечанию О.А. Вальковой, государство препятствовало «получению женщинами не столько образования самого по себе, сколько государственного диплома об этом образовании» [Валькова, 2012: 815–816]. Диплом не выдавался не только частными университетами (например, Психоневрологическим институтом, Народным университетом А.Л. Шанявского), но даже созданными с разрешения правительства Бестужевскими и Московскими высшими женскими курсами проф. Герье. Лишь в 1910 г. Государственный совет признал Бестужевские курсы высшим учебным заведением и приравнял к диплому свидетельство об окончании курсов. Московским высшим женским курсам аналогичное право было предоставлено лишь в 1915–1916 учебном году [Федосова, 1980; Цыганков, 2008].

Ввиду отсутствия государственного диплома о высшем образовании женщины не допускались в систему аттестации научно-педагогических кадров: не могли держать кандидатские, магистерские и докторские экзамены, читать публичные пробные лекции на получение звания приват-доцентов, защищать диссертации [Иванов, 2016]. Перспективы профессиональной научной деятельности где-либо помимо университетов для них были также незначительны, поскольку число научных учреждений в начале XX в. было невелико [Валькова, 2012].

Лишь в 1911 г. был издан закон, позволивший женщинам, выдержавшим успешно экзамен в знании университетского курса, претендовать на право преподавания в вузах («Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений»). Однако за период с 1911 по 1918 г. этим правом воспользовались единицы, а пытавшиеся – получили отказ. Точная статистика таких запросов отсутствует, но известны имена по меньшей мере нескольких женщин, которые – безрезультатно – их подавали: М. Безобразова, Н. Гернет, Л. Запольская, Е. Ковалевская, М. Островская, В. Данчакова [там же: 839].

Решительный поворот произошел в 1917–1918 гг. с принятием законодательных актов, отменивших гендерную дискриминацию в образовании (например, декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения в РСФСР») и разрушивших привычную многоступенчатую систему научной аттестации (декрет «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений»). Эти документы, среди прочего, предоставляли женщинам равное с мужчинами право на получение ученых степеней и научных званий и, как следствие, научных и преподавательских должностей.

Приток женских кадров в науку и их востребованность были обусловлены не только институциональными изменениями, но и стремительным ростом в стране числа научно-исследовательских институтов, лабораторий, бюро, экспериментальных фабрик или станций [Петров, 1925]. Так, в 1917 г. в Петрограде действовало 148 научных учреждений [Наука в России..., 1920], а в 1921 г. – уже 205 [Предварительный список..., 1921]. Разросшаяся инфраструктура нуждалась в кадровом обеспечении, фактор же потерь мужского населения на фронтах Первой мировой и Гражданской войн и эмиграционных оттоков обуславливали вовлечение женщин в научно-исследовательский процесс [Колчинский, 2003].

Таким образом, именно в 1920-е гг. женщины – по крайней мере, формально – получили возможность войти в советскую науку – не в роли экзотических «ученых дам», а в качестве целого пула новых игроков. При этом масштабы и особенности трансформации этого номинального права в реальные карьерные траектории и достижения до сих пор мало изучены в российской историографии и социологии: исследования в данной области используют, как правило, библиографический метод и методологию кейс-стади. В данной работе предпринята попытка статистического анализа (под)сообщества женщин, занятых в тот период научно-исследовательской или научно-преподавательской деятельностью

в СССР. Такой, количественный, подход, на наш взгляд, способен дополнить ранее полученные знания и обоснованно ответить на вопрос, каково было положение женщин в науке раннесоветского периода: где они работали, какие должности занимали, насколько соответствовали их квалификации и т.д.

В качестве фокусной точки исследования нам показался интересным конец 1920-х гг. С одной стороны, после описанных выше реформ прошло уже около десятилетия – период, достаточный для формирования контингента начинающих женских научных кадров. Именно на 10–12 лет в ранней биографии ученого падает окончание вуза, аттестация, трудоустройство, прохождение начальных этапов карьеры, публикация первых научных трудов. С другой стороны, именно этот исторический этап в развитии отечественной науки отмечен совокупностью благоприятных для женщин факторов: декларируемое и юридически закрепленное равенство полов, расширившаяся научно-исследовательская и образовательная инфраструктура, смена научных поколений (активная роль перешла к ученым, чье становление пришлось на период гендерного равноправия). Кроме того, с исторической точки зрения указанный период в достаточной мере обеспечен документальными материалами, выявленными нами в Государственном архиве РФ (далее ГАРФ) и составившими эмпирическую базу исследования.

Эмпирическая база и методология исследования. В основе исследования лежит статистический анализ сведений о составе женщин, работавших в сфере науки в 1920-х гг. Несмотря на традиционность используемого подхода, данная задача является в высшей степени нетривиальной – в первую очередь, ввиду отсутствия надежной эмпирической базы. На протяжении 1920-х гг. в системе учета советских ученых не существовало единого и четкого определения понятия «научный работник». В результате централизованные попытки определить численность и дать качественную характеристику научных кадров исходили из различных оснований, а в состав этой категории включались различные группы, не совпадающие по объему и составу. В рамках исследования данная проблема решалась поэтапно.

На первом, подготовительном этапе был составлен полный поименный перечень женщин, которые были заняты в организациях, выполнявших (по крайней мере, номинально) научные исследования. В качестве документального источника были использованы депонированные в ГАРФ списки сотрудников Москвы и Ленинграда, состоявших в Секции научных работников (СНР) и зарегистрированных в Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) в 1926–1930 гг. [ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 139, 315]. Специфика источника позволяет сделать обоснованное предположение о полноте и репрезентативности имеющихся в нем данных. Факт регистрации в ЦеКУБУ обеспечивал научным работникам доступ к продовольственным пайкам и денежному вознаграждению. Непростое социально-экономическое положение ученых того периода вкупе с этим стимулом обеспечивало высокую степень заинтересованности во вхождении в списки. Кроме того, на включение в него могли претендовать все работники, хотя бы косвенно связанные с научно-педагогической или исследовательской деятельностью. Поэтому список включает широкий круг разнообразных должностей – от академика до ординатора клиники, от директора института до лаборанта. Важно отметить, что сводки ЦеКУБУ в целом соотносятся с опубликованными статистическими данными [Научные..., 1930].

Несмотря на несомненную ценность этого источника, содержащиеся в нем сведения о женщинах, занятых в науке, весьма ограничены и недостаточны для проведения детального анализа. В документации содержится лишь указание на категорию научных работников в соответствии с квалификационными требованиями ЦеКУБУ. К категории «А» относились «наиболее выдающиеся ученые, являющиеся виднейшими представителями крупных направлений в науке, создавшие школы молодых ученых и широко известные своими работами», к «Б» – «установившиеся ученые, имеющие самостоятельные научные работы», к «В» – «начинающие ученые (независимо от возраста), не подходящие еще по своему научному стажу к основной группе, но ведущие самостоятельно научную работу или работающих под руководством научного специалиста» [ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 250].

Прочая информация о сотрудниках – научная специальность, возраст и др. – хотя и предоставлялась в анкетах кандидатов, в архивных источниках представлена лишь фрагментированно. Ввиду этого на следующем этапе перечень был дополнен – посредством использования имен как «переходника» между источниками – подробной информацией о женщинах, работавших в советской науке в 1920-х гг. Эта работа была выполнена лишь для наиболее широкой в количественном отношении категории «В» – именно в нее вошли большинство женщин из списков ЦеКУБУ (почти 90%). К другим категориям в указанный период относились немногим более 350 женщин [ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 139, 315] – в рамках исследования было принято решение не включать их в анализ, чтобы не нарушать гомогенности изучаемой совокупности.

Мы обратились к синхронному, наиболее полному источнику информации – справочникам «Научные работники Москвы» и «Научные работники Ленинграда» [Наука и научные работники СССР, 1930: Ч. 4, 5], составленным на основе документации академической Комиссии «Наука и научные работники» (подр. см.: [Соболев, 2011]). Указанные издания содержат именные списки научных работников с краткой информацией о каждом из них, включая место рождения, город проживания, научную специальность, место работы и должность, возраст, наличие научных трудов и ученой степени. Данные по Ленинграду приводятся по состоянию на 1930 г., по Москве – на октябрь 1928 г. Несмотря на незначительный временной лаг между двумя справочниками, этот источник, несомненно, содержит наиболее полную информацию о научных кадрах конца 1920-х гг. и таким образом является ценным ресурсом для формирования эмпирической базы для анализа.

По результатам второго этапа работы с первичной информацией был сформирован полный перечень женщин-научных работников, включающий почти 2,5 тыс. чел. Вся информация об их социально-демографических характеристиках была закодирована в соответствии с разработанными классификаторами. Предварительный анализ показал, что значительная доля женщин, вошедших в эту генеральную совокупность, не была вовлечена напрямую в научно-исследовательскую и/или преподавательскую деятельность: около 60% ее состава – архивисты, библиотекари, сотрудники музея, секретари, врачи. Для получения релевантных выводов для последующего анализа была сформирована выборочная совокупность. В нее вошли женщины, 1) работавшие в научно-исследовательском институте или вузе и 2) занимавшие научную или преподавательскую должность. Введение данных критериев отбора потенциально может исключить из анализа тех женщин, которые были вовлечены в исследовательскую деятельность, но при этом в силу различных причин занимали ненаучные ставки. Тем не менее мы считаем, что именно такой подход является гарантией объективности выводов о женской науке в СССР в 1920-х гг. Объем сформированной по указанным правилам выборки составил 840 человек.

На следующем этапе полученные данные были обработаны с применением статистического пакета SPSS – посредством инструментов дескриптивной статистики и корреляционного анализа. Был рассчитан удельный вес различных групп в составе женщин-научных работников, описаны их основные характеристики, предпринята попытка выявить факторы, которые могли оказывать воздействие на вхождение женщин в науку и их карьерные траектории.

Женщины в советской науке 1920-х годов: основные результаты исследования.

Сопоставление численности женщин-ученых двух крупнейших городов показывает, что в конце 1920-х гг. большая их часть проживала в Ленинграде (55%). Несмотря на переезд столицы в Москву в 1918 г., Ленинград оставался центром советской науки: именно здесь располагались научные учреждения государственного значения (РАН/АН СССР), крупные вузы (Ленинградский государственный университет, Государственный педагогический институт им. Герцена и др.) и медицинские центры (Терапевтическая клиника Первого Ленинградского медицинского института и др.), инфраструктура академических учреждений. Размеры этих и других научных и научно-образовательных центров, необходимость поддержания их работы обуславливали привлечение большого числа научно-вспомогательного персонала, – в их числе были и женщины. Кроме того, причиной незначительного,

но все же заметного перевеса Ленинграда могли стать и давность академической традиции и свободомыслие вчерашнего столичного, «европейского» города, которые располагали к самостоятельным научным исследованиям.

В общей сложности женщины, занимавшие научные или преподавательские должности, были заняты в почти 250 советских научных и научно-образовательных организациях Ленинграда и Москвы. В институтах работало больше женщин, чем в вузах (56 против 44%), что обусловлено в основном их численным превосходством в организационной структуре советской науки. При этом рейтинг организаций-лидеров по численности женщин-ученых возглавляли крупнейшие вузы того времени: Второй и Первый Московские государственные университеты, Государственный педагогический институт им. Герцена (табл.).

Таблица

Топ-10 организаций по численности занятых женщин – научных работников

Название организации	Численность женщин, занимавших научные и/или преподавательские должности, чел.
Второй Московский государственный университет	65
Государственный педагогический институт им. Герцена	32
Первый Московский государственный университет	32
Всесоюзный институт растениеводства	27
Первый Ленинградский медицинский институт	26
Главная геофизическая обсерватория	17
Ленинградский государственный университет	17
Центральный научно-исследовательский геолого-разведочный институт	16
Всесоюзный институт экспериментальной медицины	15
Академия коммунистического воспитания	14
Государственный институт научной педагогики	13
Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева	13
Ботанический институт АН	11

Источник: расчеты авторов на основе списков ЦеКУБУ.

Такие высокие позиции находят объяснение в истории этих вузов и их реорганизации в 1920-е гг. Так, в состав Первого Московского университета в 1919–1920 гг. вошел народный (созданный по частной инициативе и при частном финансировании, негосударственный) университет А.Л. Шанявского, в котором допускалось обучение женщин еще до 1917 г. Идентичные правила действовали и в Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге, который в 1919 г. был частично включен в состав Петроградского университета (в табл. – Ленинградского государственного университета). Далее, Второй Московский государственный университет был учрежден в 1918 г. посредством преобразования Московских высших женских курсов проф. Герье, существовавших с 1872 г. Государственный педагогический институт им. Герцена был основан на базе Третьего Петроградского педагогического института, а тот в свое время реорганизован из Женского педагогического института (с 1912 г. – Императорского). Первый Ленинградский медицинский институт ранее носил название Женского медицинского института (1897). Таким образом, перечень организаций, в штате которых работали женщины-ученые, может свидетельствовать о том, что важным каналом вхождения этой гендерной группы в науку того времени являлось «оседание» в вузах после завершения обучения и занятие различных (как правило, низших) должностей на кафедрах и факультетах – явление, до сих пор характерное для российской науки.

На особом положении находились Государственный институт научной педагогики и Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Они охотно принимали женщин, имевших опыт преподавания и исследовательской работы, особенно – кандидаток с партийным стажем.

Изучение дисциплинарного состава женской науки показывает, что в 1920-х гг. более 40% женщин-ученых были заняты в области естественных наук (рис.). В этой весьма диверсифицированной группе почти четверть – химики, 19% – ботаники, по 12% работали в областях «зоология, физиология животных, гистология» и «метеорология, геофизика» и по 11% – в «физике, метрологии» и «геологии, минералогии, кристаллографии».

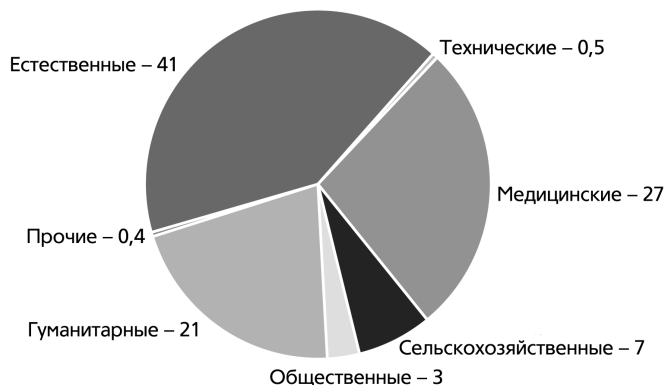

Рис. Распределение женщин по областям науки
(% от общей численности женщин, включенных в выборку)

Источник: расчеты авторов на основе списков ЦеКУБУ.

Второй по численности являлась группа женщин, работавших в области медицины. Далее – гуманитарные науки, в составе которых преобладали занятые в обширной области, идентифицируемой в используемом источнике как «философия, психология, педагогика» (39%). Большая численность отнесенных к этой области женщин обусловлена тем, что в нее попадали и сотрудницы, имевшие только преподавательскую должность. Скорее всего, они рассматривались Экспертной комиссией ЦеКУБУ как занятые в области педагогики. Порой доходило до абсурдности: например, в числе женщин-научных работников этой группы мы находим имя первой жены А.С. Луначарского [ГАРФ. Ф. Р-4737. Оп. 1. Д. 139. Л. 383], хотя в указанные годы она работала в управлении цирков, была главным редактором журнала «Цирк», директором курсов циркового искусства. Остальные женщины-гуманитарии были практически равномерно распределены по следующим областям: «история языковедения, литература, библиография» (19%), «история, археология, этнография» (17%) и «история искусства, музейное дело» (12%). В области сельскохозяйственных, общественных и технических наук численность занятых женщин была крайне мала – 62, 43 и 4 чел. соответственно.

Полученные результаты являются в целом ожидаемыми и демонстрируют наличие в 1920-х гг. гендерной специфики в распределении научных кадров по областям науки. По сравнению с общей структурой научного сообщества того периода концентрация женщин в естественнонаучных областях оказалась заметно выше: женщины были представлены в дисциплинарном сегменте, требующем штата «молчаливых» ассистенток-помощниц – в химических, медицинских лабораториях, в вычислительных и чертежных учреждениях.

Важную роль, безусловно, играла и дореволюционная преемственность. Так, педагогика была одной из немногих доступных профессий для небогатых женщин, окончивших

аналог высших учебных заведений до 1917 г. – высшие женские курсы – и нуждавшихся в заработке. В то же время после революции 1917 г. необходимость поиска возможности трудоустройства вовлекла в научную сферу и «ученых дам» дворянского происхождения, актуализируя полученные ими в специфичных женских учебных заведениях (гимназиях, пансионах) знания в области искусства, изящной словесности, литературы, иностранных языков (преподаватели последнего оказались очень востребованы в пространстве комвузов 1920-х гг.).

Из 840 женщин, включенных в выборку, 730 в конце 1920-х гг. занимали научно-исследовательские должности. Но для большинства из них это были должности низшего уровня: 60% женщин в науке работали ассистентами, лаборантами, метрологами, почвоведом, числились аспирантами. Немногим более трети – занимали должности среднего уровня: научных сотрудников и старших научных сотрудников. Высокие позиции в науке были скорее исключением: руководителями научных подразделений (центров, отделов, секций, лабораторий) и/или действительными членами являлись лишь 29 женщин – около 4% от всех, попавших в выборку. Примечательно, что большая часть этих женщин-исследователей работала в научно-исследовательских институтах, а не вузах. Одна из них – О.Э. Чаянова (29 лет) – являлась членом-корреспондентом в Государственной академии художественных наук. Она была театроведом, женой советского экономиста, писателя-фантаста и утописта А.В. Чаянова и дочерью публициста и редактора Э.Л. Гуревича.

Преподавали в вузах всего 156 женщин, попавших в выборку¹. Их распределение по категориям схоже с ситуацией в научной сфере: 67% из них работали преподавателями или ассистентами, лекторами, т.е. занимали в высшем образовании должности низшего уровня. Лишь 47 женщин являлись доцентами, и примечательно, что все они проживали в Ленинграде. Больше всего женщин-доцентов в СССР конца 1920-х гг. работало в Государственном педагогическом институте им. Герцена, который, как уже было сказано, был реорганизован из Женского педагогического института, до 1917 г. готовившего учительниц-предметниц для гимназий.

Наиболее значимых карьерных успехов в области высшего образования добились всего пять женщин: профессора Л.Г. Пруссакова (Всесоюзная академия потребительской кооперации) и В.А. Лосиевская (Ленинградский государственный университет), зав. кафедрой М.С. Тихонова (Ленинградский институт инженеров водного транспорта), декан Г.И. Окулова (Академия коммунистического воспитания) и проректор Л.Р. Менжинская (там же). На наш взгляд, из них только Лосиевская имела на тот момент реальный исследовательский опыт: свою первую научную работу она опубликовала еще в 1918 г. [Лосиевская, 1918]. О научной деятельности других женщин, успешных в карьерном отношении, сведений не так много. Тихонова на тот момент – автор опубликованного в соавторстве учебного пособия «Руководство и краткое пособие к лабораторным занятиям по химии» [Кучеров, Тихонова, 1929]. Пруссакова в каталоге РГБ фигурирует как автор единственного на начало 1920-х гг. учебного пособия [Пруссакова, 1923]. Окулова-Теодорович известна скорее не как научный работник, а как революционерка и советский партийный деятель. Эта особенность отличала и деятельность Менжинской, работы которой носят не научный, а скорее идеологический характер [К пятилетию..., 1925].

В целом невысокие карьерные позиции женщин в науке и высшем образовании объяснимы. Хотя законодательство 1917–1918 гг. облегчило их вхождение в эти сферы, однако не смогло, как нам представляется, в короткое время переломить инерцию научного сообщества, его снисходительное отношение к неостепененным выпускницам высших учебных заведений «для ученых дам». Возможно, специфика и качество образования, доступного для женщин до 1917 г., также являлись сдерживающим фактором, препятствовали построению успешной научной карьеры. Тем не менее данная гипотеза не находит подтверждения в используемых нами эмпирических данных. В частности, мы установили,

¹ Сумма превосходит *N*, так как некоторые женщины совмещали научную и преподавательскую должности.

что большинство женщин (78,3%) на научных и преподавательских должностях к концу 1920-х гг. уже имели опубликованные научные труды. Хотя этот факт ничего не говорит о реальном опыте исследовательской работы и качестве полученных результатов, он все же позволяет предположить, что женщины, так или иначе включившиеся в научную деятельность сразу же после появления такой возможности, обладали по меньшей мере базовыми для любого исследователя навыками и были способны публиковать свои работы, написанные в соавторстве или самостоятельно.

Еще одной причиной, которая скорее всего также оказывала негативное влияние на продвижение женщин в науке, являлись их собственные карьерные амбиции. Сами женщины зачастую не претендовали на высокие должности. Так, многие преподаватели и лекторы воспринимали работу в вузе исключительно как способ заработка – совмещали преподавание с переводческой деятельностью, работой в издательствах, при этом преподавание для многих из них не было приоритетом. Полученные результаты отчасти объясняются и спецификой категории научных работников, включенных в анализ: напомним, исследование рассматривает только категорию «В» – «начинающих ученых».

Проведенный анализ не выявил ни одного статистически значимого фактора из числа доступных переменных, оказывавших, в отличие от указанных выше, положительное влияние на включение женщин в научное сообщество в раннесоветский период, занятие ими высоких должностей: наличие научной должности и ее уровень не коррелируют ни с возрастом сотрудниц, ни с наличием у них опубликованных научных трудов или ученой степени, ни с типом организации, в которой они работали. Мы обратились к изучению биографий женщин, включенных в выборку, для определения других, неформальных факторов и инструментов, способствовавших их вовлечению – по крайней мере, номинальному – в науку или преподавательскую деятельность. В результате, во-первых, среди них было выявлено значительное число «родственниц»: в списках ЦеКУБУ оказывались жены, вдовы, дочери, сестры знаменитых, порой уже умерших, деятелей науки и искусства. Например, дочь священника, историка церковного права Д.Ф. Стефановича, дочь микробиолога и эпидемиолога В.И. Исаева, жена правоведа В. Грабаря, жена и дочери историка С.Ф. Платонова [ГАРФ. Р-4737. Оп. 1. Д. 315] и др. Их включение в списки объяснялось тем, что от этого в указанные годы зависело слишком многое – порой сама жизнь ученого и близких ему людей. Нельзя не отметить, что все вышеперечисленные женщины обладали если не достаточной научной квалификацией и самостоятельным научным почерком, то во всяком случае принадлежали к узкому интеллектуальному слою, были вхожи в научный круг и до революции выступали в качестве ассистенток, корректоров, редакторов своих именитых мужей, отцов, братьев. Обращает внимание и тот факт, что многие из них происходили «из бывших»: Экспертная комиссия ЦеКУБУ смотрела «сквозь пальцы» на беспартийность и чуждое социальное происхождение научных работников при их внесении в перечень.

Другим важным инструментом включения женщин в научное поле было в целом традиционное для науки патронирование: получение научной или педагогической ставки, экономического обеспечения было зачастую обусловлено поддержкой сильного научного руководителя. Приведем лишь некоторые примеры. Так, до революции и в первые советские годы одним из таких патронов был литературный критик, историк литературы и библиограф, первый директор Российской книжной палаты С.А. Венгеров – в списках ЦеКУБУ есть имена его помощниц и учениц Л.В. Булгаковой и Т.Г. Мазюкевич [ГАРФ. Р-4737. Оп. 1. Д. 315. Л. 23]. Уже упоминавшаяся Лосиевская в 1920-е гг. была известна как публикатор и редактор научных трудов ее научного руководителя А.Ф. Кауфмана – экономиста, специалиста по вопросам землепользования и землевладения в Сибири, аграрным общинам, переселенческим вопросам, статистике [Кауфман, 1923; Кауфман, 1928]. Здесь же можно назвать и имена ученицы психолога, невропатолога, психиатра, физиолога В.М. Бехтерева, впоследствии крупного дефектолога А.В. Ярмоленко, ученицы известного ботаника Н.А. Максимова И.Н. Бородиной [ГАРФ. Р-4737. Оп. 1. Д. 315] и др. Протоколы заседания Экспертной комиссии ЦеКУБУ фиксируют факты включения

в перечни целых лабораторий, которые в тот момент возглавляли известные ученые. Так, одновременно, одним протоколом, в категорию «В» были зачислены ассистентки Н.И. Вавилова – сотрудницы Всесоюзного института растениеводства Е.И. Николаенко, А.В. Писарева, О.Н. Сорокина, Д.И. Стальская, О.П. Трулевич [там же]. И вновь отметим, что многие из этих женщин оставили яркий след в отечественной и мировой науке.

Выводы. Проведенный анализ показал, что в конце 1920-х гг., несмотря на предпринимаемые меры по обеспечению гендерного равенства, в сфере науки и высшего образования женщины занимали весьма скромные позиции. Большая часть из них работала ассистентами, лаборантами, лекторами, а серьезных карьерных успехов добились лишь единицы, причем зачастую – по партийной, а не по научной линии. Можно предположить, что временной период, пройденный с момента получения женщинами допуска в «клуб ученых», оказался недостаточным для преодоления квалификационного лага и негативного влияния специфики образования, полученного ими ранее. Тем не менее мы видим, что большинство женщин к этому моменту уже публиковали научные труды, то есть скорее всего имели опыт реальной исследовательской работы. Средний возраст этой категории научных работников достигал 35 лет – низкие позиции женщин в науке нельзя объяснить только поздним стартом научной карьеры.

В статье выдвинут ряд гипотез о факторах, которые могли оказывать негативное влияние на вхождение женщин в научную сферу, их дальнейшее продвижение. Среди них не только внешние барьеры (инерция научного сообщества, path-dependency и сохранение предвзятого отношения со стороны мужчин-ученых), но и отсутствие зачастую серьезной внутренней мотивации, наличия у самих женщин желания строить научную карьеру.

Важным результатом проведенного исследования стало, на наш взгляд, и выявление основных каналов восхождения женщин в научное поле в СССР 1920-х гг., часть из которых является гендерно неспецифичными и до сих пор широко используется, причем не только в России. К таким каналам можно отнести «оседание» и закрепление женщин в университетах в качестве отправной точки научно-исследовательской или научно-преподавательской карьеры. После окончания вузов многие женщины-выпускницы оставались работать на кафедрах – в качестве ассистентов, лекторов, затем преподавателей. Успешнее всего этой стратегией пользовались выпускницы традиционно женских вузов, реорганизованных из женских курсов или частных университетов.

Еще одним важным каналом являлось их «номинирование», введение в науку известными, обладавшими серьезным научным капиталом учеными-мужчинами, которые добивались для них научных и преподавательских ставок, публиковали в соавторстве научные труды. Наконец, иногда женщины оказывались в числе научных работников благодаря родственным связям с известными на тот момент деятелями – в сфере науки, образования, политики. Здесь важно заметить, что многие из них оказались в рядах ученых заслуженно и добились впоследствии заметных успехов в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамова Н.С., Аллаhverдян А.Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.
- Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX – 1930-е гг. XX в. // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 809–849.
- Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начало XX в.: подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М.: Новый хронограф, 2016.
- К пятилетию (1920–1925 год): сб. ст. / Под ред. Л.Р. Менжинской, Н.В. Шевелева, Д.И. Розенберга. М.: Академия коммунистического воспитания, 1925.
- Кауфман А.А. Введение в теоретическую статистику / Под ред. Т. Якобсон, В. Лосиевской. Пг.: Центральное статистическое управление, 1923.

- Кауфман А.А. Теория и методы статистики / Под ред. В.А. Лосиевской, И.Ф. Макарова. М.-Л.: Государственное издательство, 1928.
- Колчинский Э.И. Наука и Гражданская война в России // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 357–440.
- Кучеров М.М., Тихонова М.С. Руководство и краткое пособие к лабораторным занятиям по химии. Л.: Кубуч, 1929.
- Лосиевская В.А. Къ вопросу о свекловичномъ земледельческомъ хозяйстве: [Опыт статистико-экономического исследования]. Пг., 1918.
- Наука в России: справочный ежегодник. Выпуск I: Петроград. Пг., 1920. Предисловие [страницы без нумерации].
- Научные кадры РСФСР: Статистическая разработка по материалам Объединенной экспертной комиссии ЦекУБВ и Центрального Бюро Секции научных работников. М.: Тип. «Работник просвещения», 1930.
- Научные работники Ленинграда 1931–1933 гг. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1934. (Серия «Наука и научные работники СССР»: Справочник, составленный Комиссией «Наука и научные работники СССР». Т. 5).
- Научные работники Москвы. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1930. (Серия «Наука и научные работники СССР»: Справочник, составленный Комиссией «Наука и научные работники СССР». Т. 4).
- Петров Ф.Н. Научно-исследовательские институты СССР // Молодая гвардия. 1925. № 10-11. С. 146–149.
- Предварительный список ученых учреждений, высших учебных заведений, музеев, обсерваторий, библиотек и пр., находящихся в Петербурге и его окрестностях // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 45–71.
- Пруссак Л.Г. Как готовиться к уроку и докладу среди малоподготовленных слушателей: (Руководство для молодых политработников) М.: Красная новь, 1923.
- Соболев В.С. Из истории социологии науки в Российской Академии наук в 1920-е гг. // Социология науки и технологий. 2011. Вып. 2. № 1. С. 9–24.
- Федосова Э.П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918 гг.). М.: Педагогика, 1980.
- Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Издательство ПСТГУ, 2008.
- Barnett R.C., Sabatini L. A Short History of Women in Science: From Stone Walls to Invisible Walls // Women and Science / American Enterprise Institute (ed.). Washington, DC, 2010.
- Valkova O. The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940) // OSIRIS. 2008. No. 23. P. 136–165.

Статья поступила: 05.07.18. Принята к публикации: 31.10.18.

“WELCOME TO THE CLUB”: POSITION OF WOMEN IN SOVIET SCIENCE IN THE 1920s

DOLGOVA E.A.*, STRELTSOVA E.A.**

*Russian State University for the Humanities, Russia; **National Research University “Higher School of Economics”, Russia

Evgeniya A. DOLGOVA, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Center for Interdisciplinary Humanitarian Studies, Russian State University for the Humanities (dolgova-evg@rambler.ru); Ekaterina A. STRELTSOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University – Higher School of Economics (kstreltsova@hse.ru). Both – Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (RSF), No. 17-78-10202.

Abstract. The paper is devoted to the position of women in science in the early soviet period, when several reforms were made to promote gender equality in this sphere. It was the first time in the country, women got an institutionally guaranteed opportunity to be professional researchers or teachers in universities. Empirically, the paper is based on archived data and uses the lists of female «research workers» – residents of Moscow and Leningrad in the late 1920s – supplemented with the documentary materials on their social and demographic characteristics and positions in science and higher education.

As a result of a statistical analysis of this information, the authors discuss the structure of the soviet female scientific (sub)community in the period which was critical for its development. They state that

those days most women in science and higher education used to occupy relatively low positions – were employed as assistants or lecturers. The paper discusses several factors which could cause this tendency. Among them – the inertia of the scientific community, path-dependency and biased attitude of male researchers, but equally a lack of females' self-motivation to build a professional academic career, the still existing negative influence of the education they had got in the previous period.

Keywords: Soviet science, scientific community, women in science, gender equality.

REFERENCES

- A Preliminary List of Scientists of Institutions, Higher Educational Institutions, Museums, Observatories, Libraries, etc., Located in St. Petersburg and Its Environs. (1921) *Nauka i ee rabotniki* [Science and Its Workers]. No. 4: 45–71. (In Russ.)
- Agamova N.S., Allahverdyan A.G. (2000) Russian Women in Science and Higher Education: Historical, Scientific and Scientific Aspects. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the History of Science and Technology]. No. 1: 141–153. (In Russ.)
- Barnett R.C., Sabattini L. (2010) A Short History of Women in Science: From Stone Walls to Invisible Walls. In: *Women and Science*. American Enterprise Institute (ed.). Washington, DC.
- Fedosova E.P. (1980) *Bestuzhevskie Courses as a the First Women's University in Russia (1878–1918)*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)
- Ivanov A.E. (2016) *Scientific Dignity in the Russian Empire of the XVIII – the Beginning of the 20th Century: Preparation and Scientific Certification of Professors and Teachers of the Higher School*. Moscow: Novyj hronograf. (In Russ.)
- Kaufman A.A. (1923) *Introduction to Theoretical Statistics*. Ed. by T. Yakobson, V. Losievskaya. Petrograd: Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie. (In Russ.)
- Kaufman A.A. (1928) *Theory and Methods of Statistics*. Ed. by V.A. Losievskaya, I.F. Makarov. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Kolchinsky E.I. (2003) *Science and the Civil War in Russia*. In: *Science and Crises. Historical-comparative Issues*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin: 357–440. (In Russ.)
- Kuchero M.M., Tikhonova M.S. (1929). *A Short Guide to Laboratory Chemistry*. Leningrad: Kubuch. (In Russ.)
- Losievskaya V.A. (1918) *On the Issue of Beet Farming: [The Experience of Statistical and Economic Research]*. Petrograd. (In Russ.)
- Menzhinskaya L.R., Sheveleva N.V., Rosenberg D.I. (eds) (1925) *By the Fifth Anniversary (1920–1925): Collected Papers*. Moscow: Akademiya kommunisticheskogo vospitaniya. (In Russ.)
- Petrov F.N. (1925) Scientific Research Institutes of the USSR. *Molodaya gvardiya* [Young Guard]. No. 10-11: 146–149. (In Russ.)
- Prussakova L.G. (1923) *How to Prepare for the Lesson and the Report among the Less-trained Students (Tutorial for Young Political Speakers)*. Moscow: Krasnaya nov'. (In Russ.)
- Science in Russia: Reference Yearbook (Petrograd)*. (1920). Petrograd. (In Russ.)
- Scientific Staff of the RSFSR: Statistics on the Materials of the Expert Commission of the Central Commission for Improving the Life of Scientists and the Central Bureau of the Section of Scientific Workers* (1930). Moscow: Tip. «Rabotnik prosvetsheniya». (In Russ.)
- Scientific Workers of Leningrad 1931–1933*. (1934) Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Series "Science and Scientists of the USSR": A Handbook Compiled by the Commission "Science and Scientists of the USSR". Vol. 5). (In Russ.)
- Scientific Workers of Moscow*. (1930) Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (Series "Science and Scientists of the USSR": A Handbook Compiled by the Commission "Science and Scientists of the USSR". Vol. 4). (In Russ.)
- Sobolev V.S. (2011) From the History of the Sociology of Science in the Russian Academy of Sciences in the 1920s. *Sociologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Iss. 2. No 1: 9–24. (In Russ.)
- Tsygankov D.A. (2008) *Vladimir I. Gerier and Moscow University of His Era*. Moscow: PSTGU.
- Valkova O. (2008) The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940). *OSIRIS*. No. 23: 136–165.
- Val'kova O.A. (2012) State Policy in the Sphere of Professional Scientific Labor of Women in Russia: the End of the XIX – 1930s. XX Century. In: *Timetable of Change: Essays on the History of Educational and Scientific Policy in the Russian Empire and USSR (the End of 1880s – 1930s)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 809–849. (In Russ.)